

ГЕНЕЗИС ПРОТОНАУЧНОЙ МЕДИЦИНЫ ВЕЛИКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ДРЕВНОСТИ

В.Г. Лазаренко

Ижевская государственная медицинская академия (г. Ижевск)

Genesis of protoscience medicine of the great ancient civilizations

V.G. Lazarenko

Izhevsk State Medical Academy (Izhevsk, Russia)

РЕЗЮМЕ

Рассмотрены общие истоки происхождения натурфилософской основы древних систем медицины Китая, Греции и Индии. Обнаружены фундаментальные совпадения в медицинских теориях Китая и Греции – представления о дуализме всего сущего и его первоэлементах, учение о жизненной энергии и каналах её циркуляции. Первоисточником для теоретического обоснования ранней медицины Греции, Китая и Индии, очевидно, стала система мировоззрения, зародившаяся в Северном Причерноморье в III тысячелетии до н.э. в процессе формирования индоевропейской общности. Отсюда её распространили арии – носители гаплогруппы R1a1, которая и сегодня существенно представлена в Северном Причерноморье, Китае и Индии.

Ключевые слова: натурфилософия, традиционная медицина, Древний Китай, Древняя Греция, Древняя Индия, Северное Причерноморье, индоевропейская общность, гаплогруппа R1a1, Ахилл, Хуан-ди.

RESUME

The common issues of natural philosophic basic of ancient systems of China, Greece and India's medicine were examined. The fundamental coincidences in medical theories between China and Greece were found – the presentation about dualism of all things and its arches, the study about vital energy and the channels of its circulation. The origin for theoretic approval of early medicine of Greece, China and India, evidentially, is the system of ideology appeared in Northern Black Sea Coast in III millennium B.C.E. during the process of Indo-European community formation. Hence the Aryans – bearers of haplogroup R1a1, which still is significantly represented in Northern Black Sea Coast, China and India – had spread it.

Keywords: natural philosophy, traditional medicine, Ancient China, Ancient Greece, Ancient India, Northern Black Sea region, the Indo-European community, haplogroup R1a1, Achilles, Huangdi.

Эффективное и безопасное использование сегодня наследия традиционной медицины возможно обосновать лишь при наличии теоретической базы для применяемых методов диагностики и лечения. Поэтому совершенно необходимо не только современное понимание мировоззренческих основ медицины Древнего мира, но и знание их происхождения. В исторической науке достаточно давно ставится вопрос о возможном едином центре происхождения древней медицины, ввиду определенного сходства многих её принципов и методов в разных регионах мира. Так, А.С. Маракуев ещё в 1935 г. писал: «Медицинские знания Японии, Кореи, Монголии, Тибета, Китая и Индии имеют, несомненно, один общий источник – возможно, мировой центр возникновения медицинской науки. Весьма вероятно, что таким центром являлось древнее Шумерское (впо-

следствии Ассиро-Вавилонское) государство в долине Тигра и Евфрата. Отсюда древняя медицина перекочевала на запад – в Египет (меня поражает необычайное сходство между заклинаниями-рецептами медицинских клинописных табличек Британского музея и медицинскими папирусами Берлинского музея) и на восток – через Центральную Азию в Индию и Китай. В последнем, постепенно осваиваясь от шелухи заклинаний, заговоров, магических снадобий, древняя шумерская (индусская) медицина становится, наконец, на путь своеобразного примитивного эксперимента и превращается в систему медицинских знаний.» [24]. Это мнение, в определенной степени перекликается с мыслями о том, что китайцы могли быть потомками каких-то племен, переселившихся из Египта. Немецкий иезуитский миссионер, считающийся основателем

сразу нескольких наук, в частности – географии и картографии, А. Киршер (1602–1680) в своем труде «Oedipus Egyptiacus» («Египетский Эдип»), вышедшем в Риме в 1654 г., первым высказывает эту мысль. Мнение о том, что цивилизация в долине Хуанхэ стала результатом культурной, а возможно – и демографической миграции из долины Нила было поддержано десятками ученых-богословов того времени, поскольку в XVII–XVIII вв. для западных схоластов и ученых именно египетская культура представлялась наиболее древней. От нее протягивались нити практически ко всем другим мировым цивилизациям, даже в том случае, когда такие связи были далеко не очевидны. И именно Египет, в тогдашних представлениях, стал своеобразной страной-донором для китайской культуры. Свой анализ А. Киршер построил на компаративном анализе китайских и египетских иероглифов, сочтя их близкими по структуре и по логике воплощения, и сделал вывод, что китайцы явились потомками древних хамитских племен, некогда переселившихся в Китай [23, с. 62–63]. Такая версия существовала довольно долго и нашла отражение в представлениях, касающихся распространения культурных достижений. Делались заключения, порой неверные, из-за недостатка знаний о Древнем Китае. Например, в самом начале XX в. в интеллектуальной среде России полагали: «При династии Шан был голод (одновременно с голодом в Египте, когда Иосиф жил у фараона) и вторжение фараона Сезостриса через Азию. Заметим, что таким образом два образованнейших народа того времени – египтяне и китайцы – вступили в сношения, хотя и невольные. Очевидно, многими знаниями, изобретениями и открытиями они обязаны друг другу.» [6, с. 18].

Была также предпринята попытка обнаружить исток китайской традиции в цивилизации Древней Месопотамии. Появилась теория под названием «Вавилонская миграция», где речь шла о том, что все сакральные знания древних китайцев, а также материальная культура вышли из Месопотамии. В 1882 г. французский ученый Т. Лакупри, работавший тогда в Лондонском университете и бывший одним из пионеров изучения «Канона перемен» (И цзин), высказал неожиданное предположение, что этот знаменитый Канон имеет своим истоком некие вавилонские писания, а в месопотамских текстах можно обнаружить основные построения китайского гадательно-

го канона. Его фундаментальный труд 1894 г. был характерно озаглавлен «Западные истоки ранней китайской цивилизации». Здесь Т. Лакупри опубликовал следующую версию. Предки современных китайцев пришли из Средней Азии. Возглавляемые своим племенным лидером Хуан-ди, они отправились в путь от Хорасана через Бадахшан и Туркестан, пока не дошли до территории современных провинций Ганьсу и Шэньси, где и основали первое китайское государство. А племенной лидер Хуан-ди вошел в китайские предания как «основатель китайской нации». С этой версией, в общем, соглашался и выдающийся историк Китая В. Эберхард, допуская, что иньцы (носители первой цивилизации Китая) действительно пришли из районов Западной Азии и бассейна Тарим, поскольку некоторые культурные артефакты иньцев действительно схожи с находками, сделанными в районе Туркестана. Историк Дж. Балл в своей книге «Китайцы и шумеры» (1913) доказывал, что главным центром древней культуры выступали либо конкретно город Вавилон, либо вся шумерская культура, откуда все культурные достижения и пришли к китайцам. В частности, он полагал – все, что рассказано о первых правителях Китая, в том числе о Фу-си и Хуан-ди, относится на самом деле не к ним, а совсем к другим людям. По мнению сторонников «Вавилонской миграции», вся легендарная история Китая представляет не что иное, как переписанную и адаптированную под китайский менталитет историю Месопотамии. Имена месопотамских правителей трансформировались ими в китайские имена. Так, царь аккадский Саргон (2334–2279 гг. до н. э.), который прославился своими завоевательными походами, превратился в одного из наиболее почитаемых персонажей ранней китайской традиции, основателя земледелия Шэнь-нуна (одного из создателей китайской медицины! – В.Л.). А имя эламского царя Кутир-Наххунте (1748–1734 гг. до н. э.) было прочтено в Китае как Юсун-ши – это другое имя знаменитого Хуан-ди, легендарного прародителя китайского народа [24, с. 64–67]. Заметим, правда, что современная датировка времени правления Саргона, точнее Шаррумкена I – 2316–2261 гг., а Кутир-Наххунте I – 1730–1700 гг. до н. э., но это не меняет дела принципиально. Гораздо важнее, что и сейчас в Китае Шэнь-нун безоговорочно считается создателем фармакологии, а Хуан-ди – главным основателем

китайской медицины как системы [14, с. 73–105; 17; 21].

Однако, если говорить не о медицине вообще, которая во всех регионах мира изначально имела отчетливо выраженную магическую природу, а о теоретических основах протонаучной медицины, то все перечисленные гипотезы не дают ответа о времени, месте и путях распространения первичных натурфилософских представлений. Поэтому, если учесть, что древняя медицина Месопотамии и Египта лишена каких-либо теоретических обоснований, нужно сосредоточиться на проблеме происхождения древних систем медицины, для которых натурфилософская основа очевидна – Китая, Греции и Индии. Нами обнаружены фундаментальные совпадения в медицинских теориях Китая и Греции (мы видим это в трудах Алкмеона, Эмпедокла, Платона, Эризистрата) – представления о дуализме всего сущего и его первоэлементах (первостихиях), учение о жизненной энергии и каналах её циркуляции [18]. Причем, во времена, когда контактов между этими великими цивилизациями просто не могло быть – ведь речь идет, как минимум, о V веке до н.э. Поэтому мы пришли к следующему предположению. Мог существовать единый источник, как территориально, так и идеологически, формирования подобных сходных учений. Тем более, что наши поиски древнейших истоков греческой медицины на основе анализа многих античных источников отчетливо показали их локализацию – Северное Причерноморье; определены также основные персонажи формирования там прагреческой медицины, как рациональной (Пеан, Хирон, Ахилл, Асклепий), так и магической (Медуза, Аполлон, Залмоксис) [10; 19; 20]. Все они имели, кстати, не греческое происхождение, а местное, чаще фракийское – авторитетными учеными установлено, что их образы сформировались задолго до собственно греческой цивилизации и, тем более – колонизационных процессов. С удовлетворением отметим, что результаты нашей работы по определению Северного Причерноморья как региона формирования истоков древнегреческой медицины получили одобрение ряда ведущих специалистов античного отделения Института истории материальной культуры Российской Академии наук.

В Северном Причерноморье III тысячелетия до н.э., очевидно, родилась система мировоззрения, положившая начало натурфи-

лософии. Свидетельством этому являются, в частности, представления древних о Медузе (образа, теснейше связанного с данным регионом) как об универсуме – едином символе, объединяющем смерть и рождение и выражающем идею симметричного Космоса [29], подобно китайской монаде *инь-ян*. Крайне важен и феномен Ахилла, также неразрывно связанного с Северным Причерноморьем. Статус его в мировоззрении древних был чрезвычайно высок. Академик В.Н. Топоров, блестяще показавший догреческое происхождение данного образа, указал, что «многие его черты могут быть реконструированы как глубокие архаизмы, остатки космогонического «пред-Ахилла», подчеркнув его теснейшую связь с «первостихиями» творения – огнём и водой, а также роль как «посредника между Небом и Землей» [31]. Мы считаем, что всё это уже говорит о формировании начал натурфилософии – учения о дуализме и первоэлементах всего сущего.

С дальнейшим развитием протонаучной греческой медицины всё достаточно понятно, поскольку Северное Причерноморье располагается относительно недалеко от собственно Греции. Мы отчетливо видим использование натурфилософских категорий в медицине пифагорейской школы и в медицинских аспектах учениях Платона. Но каким образом первичные натурфилософские воззрения могли попасть в Китай в доисторическое время? Напомним, что создание основ китайской медицины традиционно относится к III тысячелетию до н.э., когда цивилизации в самом Китае ещё не было. С другой стороны, никем не отрицаются древние предания о том, что предки китайцев пришли в долину Хуанхэ откуда-то с запада. Причем жизнь и деятельность предков – Фу-си, Шэнь-нуна, Хуан-ди (все они имели отношение и к созданию медицины) относится китайской традицией к III тысячелетию до н.э. [12]. Но именно в это время в Северном Причерноморье формировалась индоевропейская общность. Механизм её происхождения прояснили данные новой науки – ДНК-генеалогии, значение которой для решения многих сложнейших проблем древней истории, в том числе миграций, трудно переоценить. Как констатирует гарвардский профессор А. Клёсов: «ДНК-генеалогия предоставляет в распоряжение антропологии, археологии, лингвистики жесткую привязку в виде «метки» рода – гаплотип (или гаплогруппу), который всегда сопровождает каждого члена рода. Он не ассимилируется

в популяциях, как ассимилируются языки, культуры, религии, физические черты, антропологические показатели, он один и тот же в смешанных популяциях, он позволяет отличить члена рода через тысячи и десятки тысяч лет. Он позволяет проследить миграции родов и отдельных представителей рода и позволяет понять, останки представителей каких родов обнаружены, и как археологические культуры связаны друг с другом – понять генезис, динамику археологических культур, добавить важнейшую компоненту к динамике человеческих популяций и их материальных носителей» [7].

Ведущим компонентом формирующейся индоевропейской общности явились пришедшие в Северное Причерноморье около 4800 лет тому назад со стороны Балкано-Дунайского региона племена земледельцев, носителей гаплогруппы R1a1 [8, с. 524]. Это были предки греко-ариев, первых носителей индоевропейской культуры – для данного региона достаточно обоснованно показано соседство греческого и арийского языков ко II тысячелетию до н.э. [27, с. 238.]. Нами, на основе комплексного исследования с привлечением данных археологии, мифологии, лингвистики и ДНК-генеалогии, показано, что великим вождем земледельческих племен R1a1, сыгравших решающую роль в формировании в Северном Причерноморье индоевропейской общности, вполне мог быть пра-Ахилл или его прообраз, тесно связанный с культом Богини-Матери. Обожествленный затем, он, очевидно, мыслился не только властителем подземного мира – покровителем плодородия, что естественно для земледельцев, но и в первую очередь [11, с. 287–297; 13], символизировавшим, как указано выше, космологические натурфилософские категории. Из Северного Причерноморья протогреки и арии начали свои эпические миграции. Затем, примерно 4000–3600 лет назад род R1a1 с Южного Урала (синташтинская археологическая культура), через Киргизию и Таджикистан передвинулся на Индостан и Иранское плато, где в это же время появляются индоевропейские языки; общие предки индийских и иранских гаплотипов жили, соответственно, 4050 и 4025 лет назад [8, с. 525–526].

В движении на восток род R1a1 прошел также до Алтая и Северного Китая [8, с. 926–927]. Общеизвестны легенды о Хуан-ди, пришедшем с Запада – создателе китайской цивилизации, в т.ч. медицины. Они подтверждаются

сегодня тем, что в бассейне реки Тарим на Северо-Западе Китая обнаружены в захоронениях многочисленные мумии высокорослых светловолосых людей, имеющие гаплогруппу R1a1, что подтверждается исследованиями, в т.ч. китайских ученых [34]. Эти мумии датируются временем, удивительно совпадающим с внезапным появлением цивилизации в долине Хуанхэ в первой половине II тыс. до н.э. Имя Хуан-ди, создателя китайской цивилизации, в том числе системной медицины, трактуется обычно как «Желтый император», но возможна и другая интерпретация – «Светловолосый император». Другое его имя – Сюань-юань буквально означает «колесо-оглобля». При этом самые ранние находки в Китае колесниц с лошадьми, аналогичными найденным в курганах эпохи ранней бронзы от Урала до Алтая, также относятся ко II тысячелетию до н.э. Более того, результаты работы выдающегося исследователя Э. Пуллиблэнка в области сравнительного изучения древнекитайского и праиндоевропейского языков доказывают для них родственную языковую связь между понятиями «лошадь», «колесо», «повозка» [25]. Бросается в глаза поразительное сходство древнекитайских и индоевропейских реконструкций для таких важных в культурологическом плане слов, как названий собаки, коровы, быка и свиньи, а также слова «медь» [2, с. 935–936]. Самая грубая оценка дает время заимствования слов «собака» и «корова» не менее 3500 лет назад [28]. Это вполне совпадает с хронологией таримских мумий и появлением цивилизации в долине Хуанхэ.

Никогда не оспаривались легенды о том, что основатели первой китайской династии – Шан пришли откуда-то с Запада и ушли туда же после поражения от Чжоу. Недавно китайскими учеными впервые были представлены статистически репрезентативные данные по гаплотипам этнических ханьцев центральных и восточных провинций, в т.ч. в провинции Хэнань – колыбели первой китайской цивилизации Шан. Расчет базового гаплотипа и времени до общего предка гаплотипов R1a показал, что все они, за небольшим исключением, относятся к той же самой ветви, что доминирует в Восточной Европе и Индии; при этом, базовый гаплотип и возраст китайских R1a (около 4,5 тысяч лет назад) практически идентичны индоевропейским [36]. Крупный специалист в области ДНК-генеалогии И. Рожанский обобщает эти и другие данные: «Наше знание миграций

гаплогруппы R1a и корреляций с языковыми семьями дает основание предположить, что в лице китайцев из долины Хуанхэ с «арийскими» гаплотипами (а их, по оценке, не менее 6 млн.) мы видим потомков тех самых народов, что, как минимум, передали часть своей лексики древним китайцам, а затем растворились в их среде. Судя по всему, контакт был прямым, без многоступенчатой диффузии» [28]. Следует отметить, что сегодня на севере Китая у этнических групп Hui, Sala, Bolan и Dongxiang зафиксирована гаплогруппа R1a1 с достаточно высокой частотой 18–32 % [33].

Примечательно, что вся северная часть Индии в настоящее время преимущественно R1a1, а в высших кастах Индии – до 72 % носителей данной гаплогруппы [35]. Кроме того, их гаплотипы практически неотличимы от гаплотипов современных восточных славян, а около 50 % украинцев и русских, живущих в степных районах от Дуная до Волги, имеют этот же гаплотип [8, с. 522]. Поэтому трудно оспорить не только их очевидную родственность, но и общую в своих древнейших истоках систему мировоззрения. Хотя в самых древних письменных памятниках индоариев – «Ригведе» и «Атхарваведе» ещё трудно различить четкие натурфилософские категории, но они бесспорны в сложившейся позднее «Аюрведе» – бесценном наследии медицины Древней Индии.

Общим первоисточником для теоретического обоснования ранней медицины Греции, Китая и Индии, очевидно, стала система мировоззрения, зародившаяся в Северном Причерноморье. Эта система, положившая начало натурфилософии, затем была названа арийской, поскольку её распространили арии – носители гаплогруппы R1a1. Одним из показателей этого является поразительное сходство системы календарного счисления в Вавилоне и Древнем Китае, с самого начала его цивилизации: членение года на 12 месяцев и применение 60-ричного цикла для исчисления дней [3, с. 192]. Распространение первичных натурфилософских идей на многовековых путях индоевропейских миграций в Индию и Китай было бы затруднено при отсутствии других способов их фиксации, кроме лишь устной, бесспорно существовавшей, передачи. Это могла быть особая татуировка, чрезвычайно характерная для последователей фракийского Залмоксиса; татуировка шаманского свойства обнаружена также у некоторых таримских мумий. Весьма интересен обнаруженный при раскопках захо-

ронения (вероятно, шаманского), датируемого III тыс. до н.э., в кургане в Одесской области набор из около 200 специальных палочек, раскрашенных красными и черными полосками разной ширины и точками, причем в многочисленных комбинациях [5]. Они еще нуждаются в изучении, но значительно превосходят не только по древности, но и по многообразию символов известные триграммы и гексаграммы «Книги перемен» (И цзин), считающиеся уникальными и имеющих неясное происхождение. Между тем, давно установлено соответствие черного и красного цветов понятиям, аналогичным *инь* и *ян*. Параллель, на наш взгляд, очевидна, если считать «И цзин» не банальным сборником гаданий, а древнейшим китайским документом по натурфилософии. Наконец, иероглифическая письменность в Китае появляется во II тысячелетии до н.э. практически на пустом месте – до сих пор все попытки найти предшественников такого письма на территории Китая оказываются тщетными. С другой стороны, на просторах Восточной Сибири найдено немало изображений знаков, практически идентичных многим древнейшим китайским иероглифам, но гораздо древнее их. Среди них – такие важные для мировоззрения, как «Небо (божество)», «Прародительница и её отец», «Мать-прародительница», «Мировое дерево», «счастье» (свастика), «приносить жертву», «исполнять магический танец», «Запад» (поразительно напоминающий стелу в честь Первопредка. – В.Л.); не менее важны в плане самоидентификации и жизнедеятельности другие идентичные иероглифы: «родовая территория», «семья (счастье)», «родовая община», «ребенок, сын, потомок», «древний», «поле», «охотиться», «земля, почва, местный», «дерево» [30, с. 241, 261–264, 269, 271–272, 280–281, 284–285, 296–304, 308–311, 317–318]. Есть все основания считать, что письменность принесли в Китай пришельцы с запада, носители гаплогруппы R1a, причастные к созданию иероглифов в течение своего почти 500-летнего пути на восток. С их приходом в середине II тысячелетия до н.э. появляется бронзовая культура Шан-Инь, которая довольно сильно отличалась от окружавших её неолитических культур Северного Китая, будучи построенной на иных духовных принципах. Найден целый ряд захоронений того времени с ориентацией головой на запад, в сторону прародины («земли мертвых предков»), а также свидетельства формирования культа предков, заменившие-

го собой почитание верховных богов [4, с. 34, 42–44]. В связи с этим нельзя не вспомнить образ русого Ахилла – первопредка греко-ариев Северного Причерноморья, а также то, что китайские правители обычно почитали себя потомками Хуан-ди – светловолосого владыки народа, пришедшего с запада и, вполне вероятно, оставившего после себя светловолосые таримские мумии.

Видимо, не случайно мы видим использование натурфилософских принципов в медицине Китая уже на самых ранних стадиях развития цивилизации [15; 16; 17]. Первый же крупный медицинский трактат – «Хуан-ди нэй цзин», текст которого был зафиксирован не позднее начала периода Чжанго (V в. до н.э.), уже содержал в себе чрезвычайно обширные сведения о диагностике и лечении, основанных на натурфилософском учении об *инь-ян* и развивающей его функциональной концепции *У син*. Это не представляется возможным без предыдущей многовековой устной традиции «тайных священных текстов», доступных сначала только жрецам, и основанной на них практики. Во второй части «Хуан-ди нэй цзин» – «Лин шу» (Ось духа) неоднократно разъясняются причины отсутствия письменной фиксации медицинских сведений. Так, указывается: «Все эти знания передали мне в устной традиции прежние наставники <...> Прежние наставники передавали некоторые вещи так, что они постигались только сердцем, их не писали на бумаге.» [32, с. 125, 129]. Кроме того, подчеркивался сакральный характер врачебных знаний: «Это то, о чем оставляли свои заповеди прежние наставники. Садитесь, я передам Вам эти знания лично, и нужно облагородить руку, дав клятву союза кровью. И если господин мудрец хочет получить эти знания, то необходимо поститься <...> Если получить это искусство, но не очень уважительно к нему отнестись, и просто так рассказывать эти знания, Небо может покарать тебя за это. Я надеюсь, что если мы получим эти знания, то пойдем их и спрячем в Золотые закрома. И не будем необдуманно передавать другим людям.» [32, с. 193, 201]. Все последующие медицинские труды являлись, по сути, лишь комментариями к «Хуан-ди нэй цзин» – этой энциклопедии древней медицины, незначительно развивая её положения. Натурфилософские основы медицины Древнего Китая при этом оставались неизменными. Результаты нашего исследования в части преемственности протонаучных основ медицины

между ариями и древними китайцами были представлены в октябре 2014 г. на XI Всемирном конгрессе по традиционной китайской медицине [9] и не вызвали возражений китайских ученых.

Всё это утверждает нас в понимании того, что протонаучные натурфилософские основы традиционной медицины Греции, Китая, Индии были заложены ещё в глубокой древности – в III тысячелетии до н.э. в Северном Причерноморье в процессе формирования индоевропейской общности. Затем они были распространены в ходе эпических миграций ариев в Китай и Индию, а протогреками – в Грецию. Но судьба протонаучных достижений древних стала совершенно различной в разных регионах. Заметное уже в «Ригведе» и «Атхарваведе», созданных во II тысячелетии до н.э., учение о первоэлементах всего сущего развилось на рубеже нашей эры в достаточно стройное учение о *дошах* – трёх основополагающих биологически активных началах, которые формируются из пяти первоэлементов и определяют конституцию человека. Оно легло в основу медицинской части «Аюрведы» и позволило создать эффективную систему профилактики и лечения в зависимости от преобладания тех или иных первоэлементов в организме человека. Столь длительное время оформления натурфилософской основы традиционной медицины Индии вполне может быть связано с закрытостью «священных текстов» и жесткими требованиями к их неизменности, что видно из бытования подобных книг в различных регионах мира. Большинство методов диагностики и лечения, разработанных в Китае более двух тысячелетий тому назад, на основе натурфилософских теоретических принципов, сохраняют свое практическое значение до настоящего времени. В этом главное отличие научной традиционной китайской медицины (ТКМ) от достижений других цивилизаций Древнего мира, медицина которых, за исключением Индии, сегодня представляет лишь исторический интерес.

Гиппократовская школа действительно также создала медицину как науку, основанную на наблюдениях за больными. Но её упущение состоит в стремлении содействовать целительному действию природы без глубокого изучения и практического использования законов этой самой природы на основе неперменного соответствия микрокосма и макрокосма. Требовалась теоретическая основа, а сделать это

полноценно, без принятия принципов и категорий натурфилософии было тогда невозможно. С другой стороны, ничем не обоснованное учение Гиппократов о «четырех жидкостях» (кровь, слизь, желтая и черная желчь) как основе функционирования организма нарушило процесс закрепления натурфилософских основ медицины. Осталось без внимания даже мнение Платона (который медицину хорошо знал и понимал), вызывавшего врачей прекратить теоретические споры, дабы не наносить ущерб практике, и указывавшего на обоснованность и практическую значимость учения о первоэлементах – «четырех корнях жизни» [26, с. 456, 488–489]. Однако, казалось бы, ясные мысли великого философа, основанные на принципах натурфилософии и во многом напоминавшие теоретические построения древних основателей научной ТКМ, не нашли широкого отклика среди представителей различных медицинских школ, продолжавших яростно дебатировать. Аристотель, казалось бы, приступил к дальнейшему развитию учение Эмпедокла, которое неминуемо должно было стать тогда чем-то вроде китайской концепции *У син*, что благотворно сказало бы на унификации и эффективности всей древнегреческой медицины. Как и у Эмпедокла, первоэлементы-стихии Аристотеля могли, в принципе, переходить друг в друга; помимо этого, они могли вступать во всевозможные сочетания друг с другом [1, с. 122, 398]. Прискорбно, но эти рассуждения не нашли дальнейшего теоретического углубления и практического приложения в Древней Греции. Да и сам Аристотель ушел затем в своих мыслях настолько в сторону, что они перестали быть основой реальной медицины. К сожалению, и Гален – завершитель античной традиции в медицине, основывался на теории «четырех жидкостей», а не на более продуктивных натурфилософских категориях.

Причина упадка античной традиции – в ожесточенных спорах представителей разных медицинских школ, порожденных агонистической, соревновательной природой самой древнегреческой культуры. В результате натурфилософские принципы постепенно были утрачены для европейской медицины, где со временем стала царить средневековая схоластика, лекарства природного происхождения осуждались и заменялись химическими веществами, полученными в лабораториях алхимиков. Напротив, в Китае с древности пустым дискуссиям была противопоставлена

прагматика в отборе лучших и рациональных методов диагностики и лечения на основе натурфилософских принципов, объединяющих всю природу, вопреки шаманским и буддийским представлениям. Главными стали уникальные лекарства растительного и животного происхождения. Великий китайский народ не только сохранил и детально развил протонаучные начала древней медицины, но и сделал ТКМ неотъемлемой частью мировой культуры. Сегодня рядом ученых, в т.ч. в Шанхайском НИИ ядерных исследований, доказана материальная основа жизненной энергии *ци* [22, с. 61–63], что делает ещё более понятной и современной теоретическую базу ТКМ.

Вопрос заключается не в том, какая медицина, восточная или западная, более «уникальна» или «правильна». Ведь еще в древности был шанс избежать противопоставления европейской и восточной медицины. Их корни, как мы увидели, во многом едины. В понимании однозначности и подлинного смысла принципов ученых-врачей Древнего мира, независимо от региона и терминологии, может и должна заключаться платформа действий современного врача, практикующего интегративную медицину. С главной и единственной целью – привлечения всех возможных, не только эффективных, но и обязательно безопасных, средств и методов предупреждения заболеваний и помощи больным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика / Пер. с др.-гр. А.В. Кубицкого. – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.
2. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси: изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – 1420 с.
3. Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 1 [в 3 т.]. – М.: «Восточная литература» РАН, 1995. – 378 с.
4. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. – М.: «Восточная литература» РАН, 2001. – 488 с.
5. Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. – Одесса: изд-во КП ОГТ, 2005. – С.49–50.
6. Китай и китайцы. – М.: Изд. ред. журнала «Русская мысль», 1901. – 135 с.
7. Клёсов А.А. Основные положения ДНК-генеалогии // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. – 2008. – Т. 1. – №2. – С.252–348.
8. Клёсов А.А., Тюняев А.А. Происхождение человека (по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии). – М.: Белые альбы, 2010. – 1024 с.

9. Лазаренко В.Г. Древние истоки интеграции европейской и китайской медицины // Материалы XI Всемирного конгресса по традиционной китайской медицине «Интеграция восточной и западной медицинских систем – стратегия медицины будущего». – СПб, 2014.

10. Лазаренко В.Г. Истоки античной медицины – в Северном Причерноморье // Традиционная медицина. – 2012. – №1 (28). – С.51–56.

11. Лазаренко В.Г. Истоки медицины и атлетических состязаний Древнего мира: Монография. – Ижевск: изд-во ИжГТУ. – 388 с.

12. Лазаренко В.Г. К проблеме российской историографии традиционной китайской медицины // Традиционная медицина. Восток и Запад. – 2005. – Т. 2. – №2 (7). – С.20–22.

13. Лазаренко В.Г. Культ Ахилла, «Старая Скифия» Геродота и Боспор // Материалы Международной конференции «Боспор Киммерийский и варварский мир. Актуальные проблемы хронологии». – Керчь, 2014. – С.252–257.

14. Лазаренко В.Г. Медицина Древнего Китая: Монография. – Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 2008. – 256 с.

15. Лазаренко В.Г. О врачевателях Древнего Китая // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2010. – №5. – С.60–62.

16. Лазаренко В.Г. Становление методов лечебного питания в Древнем Китае // Традиционная медицина. – 2008. – №12. – С.57–61.

17. Лазаренко В.Г. Становление протонаучной медицины в Древнем Китае // Традиционная медицина. – 2009. – №17. – С.19–26.

18. Лазаренко В.Г. Сходство теоретических положений традиционной китайской медицины и некоторых медицинских школ Древней Греции // Традиционная медицина. – 2011. – №3 (26). – С.55–59.

19. Лазаренко В.Г. Формирование основ античной медицины в период сложения индоевропейской общности в Северном Причерноморье // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Збірник наукових праць – Том XVII. – Запоріжжя, Запорізький національний університет, 2014. – С.192–199.

20. Лазаренко В.Г. Формирование основ медицины древних цивилизаций в процессе сложения индоевропейской общности // Традиционная медицина. – 2013. – №3 (34). – С.47–53.

21. Лазаренко В.Г. Хуан-ди и становление традиционной китайской медицины // Традиционная медицина. Восток и Запад. – 2007. – Т. 4. – №2 (13). – С.5–12.

22. Линь Хоушэн, Ло Пэйюй. 300 вопросов о цигун / Пер. с кит. – Новосибирск: Наука, 1993. – 415 с.

23. Маслов А. Утраченная цивилизация. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 520 с.

24. Маракуев А.В. «Тайны» китайско-тибетской медицины // На рубеже. – 1935. – №6–7. – С.174–179.

25. Опалев В.О. Об особенностях ранних индоевропейско-китайских контактов // Материалы XXXVII Международной научной конференции. Новосибирск, 1999. – С.21–22

26. Платон. Тимей // Собрание сочинений. Т. 3 [в

4 т.] / Пер. с др.-гр. С.К. Апта. – М.: Мысль, 1993. – С.421–500.

27. Порциг В. Членение индоевропейской языковой общности / пер. с нем. – Изд. 2-е, исправл. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 332 с.

28. Рожанский И. ДНК-генеалогия и этимология // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. – 2010. – Т.3. – №10. – С.1748–1755.

29. Савостина Е.А. Фронтон архаического храма: образ универсума – Медуза Горгона // Образ – смысл в античной культуре. – М.: ГМИИ, 1990. – С.134–150.

30. Тиваненко А.В. Древняя письменность Сибири (основные принципы дешифровки наскальной пиктографии). – Чита: Экспресс-издательство, 2011. – 347 с.

31. Топоров В.Н. Об архаическом слое в образе Ахилла (Проблемы реконструкции элементов прототекста) // Образ – смысл в античной культуре. – М.: ГМИИ, 1990. – С.64–95.

32. Трактат Желтого императора о внутреннем (Хуан-ди нэй цзин). Часть вторая: Ось духа (Лин шу) / пер. с др.-кит. Б. Б. Виноградского - М.: «Профит-Стайл», 2007 – 288 с.

33. Bittles A.H., Black M.L., Wang W. Physical anthropology and ethnicity in Asia: the transition from anthropology to genome-based studies // *Physiol. Antropol.*, 2007. – pp. 77–82.

34. Evidence that a West-East admixed population lived in the Tarim Basin as early as the early Bronze Age. – URL: www.biomedcentral.com/content/pdf/1741-7007-8-15.pdf (обращение 23.06.14).

35. Sharma S., Rai E., Sharma P., Jena M., Singh S., Darvishi K., Bhat A.K., Bhanver A.J.S., Tiwari P.K., Bamezai R.N.K. The Indian origin of paternal haplogroup R1a1 substantiates the autochthonous origin of Brachmins and the caste system // *Human Genetics.* – 54. – 2009. – P.47–55.

36. Zhong H., Shi H., Qi X.-B. Duan Z.-Y., Tan P.P., Jin L., Su B., and Ma R.Z. Extended Y-chromosome investigation suggests post-Glacial migrations of modern humans into East Asia via the northern route. *MBE Advance Access published September 13, 2010.*

Адрес автора

К.м.н. Лазаренко В.Г.

Факультет повышения квалификации врачей, Ижевская государственная медицинская академия.

lazvgr@yandex.ru